

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ю. Л. Веницкая

Смоленский областной суд, г. Смоленск

В России на протяжении 148 лет действовала система формальных доказательств. Законодатель сам определял значение и значимость каждого доказательства. Устав уголовного судопроизводства закрепил принципиально новое положение: «Судьи должны определять вину или невиновность подсудимого по внутреннему убеждению».

Возникла необходимость в разработке правила непосредственности исследования судебных доказательств. Это требование закона к судье о необходимости проанализировать представленные сторонами доказательства, выслушать их точки зрения и прийти к обоснованному логическому выводу. В тех же случаях, когда «признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям» (ст. 681 УУС).

В советское время акцент в понятии «непосредственность исследования доказательств» был смещен на «непосредственность восприятия». Это позволило считать, что «непосредственность исследования доказательств» имеет место не только в ходе судебного следствия, но и предварительного. Такая позиция привела к тому, что согласно ст. 240 УПК РФ исследование доказательств вообще исключено при рассмотрении уголовных дел, предусмотренных разделом X УПК РФ.

Сформулировано новое определение понятия. Показано принципиальное отличие «непосредственности восприятия» от «непосредственности исследования доказательств», предложено исключить из ч. 1 ст. 240 УПК РФ выражение «за исключением случаев, предусмотренных разделом X», главы 40 и 40.1 УПК РФ дополнить положением, аналогичным содержанию ст. 680 и 681 УУС. Это позволит суду убедиться в правильности принятого им решения.

Ключевые слова: *система формальных доказательств, Свод Законов, полные и неполные доказательства, Устав уголовного судопроизводства 1864 г., внутреннее убеждение судьи, упрощенное рассмотрение уголовного дела, непосредственность восприятия, непосредственность исследования доказательств.*

В России, начиная с Воинского Устава (1716 г.) Петра I до принятия судебных уставов в 1864 году, в уголовном процессе на протяжении 148 лет действовала система формальных доказательств. Закон сам определял силу каждого доказательства для руководства судьям. Он подразделял их на совершенные и несовершенные. В ст. 1030 Свода Законов указывалось: «Собственное признание есть лучшее свидетельство всего света» и считается совершенным доказательством.

Полным доказательством признавались: личный судебский осмотр; показания сведущих лиц, показания двух достоверных свидетелей. Показания одного достоверного свидетеля составляло половину доказательства или даже его четверть.

Таким образом, основной труд в оценке доказательств взял на себя законодатель. Закон предписывал правила, которые судья должен был безукоризненно выполнять.

Изложенное позволяет утверждать, что приговор суда был делом не судебской оценки доказательств. Решение судьи являлось результатом простого арифметического сложения значений имеющихся доказательств. Указанный формализм понуждал судью поступать вопреки своему убеждению, ибо оно не имело никакого значения.

Судебное разбирательство носило формальный характер. Производство как в следствии, так и в суде было негласным, тайным, письменным.

А. Ф. Кони по этому поводу отмечал:

«Система эта связывала и угнетала свободное положение судейского разума к данным делам. Масса дел оканчивалась в то время приговором, в котором из-за формальной правильности и полного соответствия действовавшим правилам о доказательствах ярко сквозило материальное неправосудие, причем во всей красе сказались и молчание связанной по рукам и ногам судейской совести, и апатичная работа притупившегося на механическом применении закона».

Можно утверждать, что формальная теория доказательств не только не достигала своей цели – установление лица, совершившего преступление, а прямо ей противодействовала, ибо, создавая искусственное убеждение, уничтожала чувство ответственности судьи за принятое решение.

Франция первая отвергла систему формальных доказательств в 1791 году, в Германии эта система просуществовала до 1848 года, в Австрии – до 1873 года, в России – до судебных уставов 1864 годов [7, с. 178].

20 ноября 1864 г. новые судебные уставы получили Высочайшее утверждение в нашей стране. Это выдающийся памятник русского законодательства, важная веха на пути преобразования уголовного судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства закрепил принципиально новое положение – отделение власти судебной от административной, оценку доказательств по внутреннему убеждению, судебное состязание, публичность судебных заседаний, суд присяжных и мн. др.

В частности, в ст. 766 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) указывалось: «Судьи должны определять вину или невиновность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела».

В комментариях к этой статье отмечалось, что в ней определен круг данных, на основании которых должен быть постановлен приговор. Это имеющиеся по делу доказательства, включая представленные сторонами в ходе судебного следствия или полученные по инициативе суда. Причем никакие доказательства между собой не имеют каких-либо преимуществ, то есть большей значимости (силы) и должны быть критически проанализированы сторонами с точки зрения законности получения и их достоверности. Это касается как каждого рассмотренного доказатель-

ства, так и всей совокупности в целом [3, с. 1284].

Понятно, что при таком резко кардинальном изменении правил оценки и исследования доказательств в ходе судебного следствия существовали опасения, не приведет ли это к злоупотреблениям судей. Решение виделось в том, чтобы внутреннее убеждение судей при исследовании каждого имеющегося доказательства по уголовному делу складывалось только после ознакомления с позицией сторон.

С. Щегловитов так описывает историю зарождения понятия «непосредственность». «В уголовном судопроизводстве Миттермайер, – пишет он, – анализируя вопрос об устности, предложил заменить его выражением: «непосредственность судебного исследования». Очевидно, продолжает он, – термин «непосредственность судебного исследования» имеет, несмотря на всю тяжеловесность этого слова, носящего на себе видимый отпечаток своего германского происхождения, преимущество перед выражением «устность». Последнее определяет лишь форму представления доказательств, между тем «непосредственность» ставит предъявление доказательств в соотношение с целью судебного рассмотрения, состоящей в исследовании дела по наилучшим и наиболее точным доказательствам» [14, с. 130].

Д. Г. Тальберг сформулировал наиболее важные начала непосредственности в уголовном процессе: 1) судья, решающий дело по существу, должен брать за основание своего решения только непосредственно исследованные им обстоятельства дела; 2) судопроизводство должно быть устное, то есть все лица, прикосновенные к делу, должны присутствовать на суде и устно изложить перед судьей все известные им по делу обстоятельства; 3) все предметы, служащие вещественными доказательствами по делу, должны быть предъявлены суду для личного осмотра, и только в случае физической невозможности этого могут быть допущены письменный или устный отчет о них других лиц; 4) судебное разбирательство должно быть, по возможности, непрерывно, дабы сохранить в судьях целостное впечатление о всех обстоятельствах дела; отсюда всякое изменение в личном составе судей влечет за собою возобновление судебного следствия сначала [11, с. 35–36].

Как видим, непосредственность органично связана с состязательностью, устностью и гласностью.

Представляется, что правило процессуальной непосредственности можно сформулировать как требование закона к судье о необходимости проанализировать представленные сторонами доказательства, выслушать их точки зрения, объяснения, замечания, указания на определенные детали и пр. по каждому из них. Судья может согласиться с позицией какой-либо стороны или не согласиться, согласиться частично, но, благодаря анализу точек зрения у него складывается вполне объективное представление о содержании каждого доказательства и всей их совокупности. Это дает ему возможность в итоговом документе аргументировать, почему в основу приговора положены одни доказательства и не учтены другие.

Изложенное позволяет утверждать, что внутреннее убеждение судьи – это не мимолетное мнение, а построенное на законах психологии, логически выверенное и обоснованное решение, основанное на исследованных доказательствах уголовного дела, сформировавшееся после выслушивания мнения сторон. Внутреннее убеждение – это убеждение совести.

В. Случевский считал, что внутреннее убеждение представляется ни чем иным, как той степенью вероятности, при которой благоразумный человек считает доказываемый факт достоверным [10, с. 138].

И. Я. Фойницкий справедливо обращал внимание, что «никакие сведения, заимствованные из источников вне судебных, не могут быть принимаемы за основание при разрешении дел судебных, производство которых складывается из взаимодействия суда и сторон. Существенным нарушением этого положения было бы разрешение судьей дела по обстоятельствам, лично ему известным, но не бывшим предметом судебного разбирательства; непосредственное наблюдение допускает много личного; судья мог страдать дальтонизмом, мог допустить фактическую ошибку при наблюдении вследствие временной галлюцинации, увлечения и т.п.; только наблюдение, пропущенное под контролем сторон, получает признание других и объективируется ими; потому судья одновременно не может быть свидетелем по делу» [12, с. 190].

Таким образом, в состязательном процессе не предварительное следствие, а судебное является главной, решающей стадией уголовного процесса, так как только на основании исследованных судом (судьей) с участием сторон доказательств решается вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Поэтому условно можно считать, что предварительное расследование – это всего лишь подготовительная стадия судебного разбирательства.

В качестве примера оценки и исследования судебных доказательств рассмотрим такое действие, как допрос подсудимого. Следует отметить, что Устав уголовного судопроизводства регламентировал порядок допроса подсудимого в зависимости от ответа последнего на вопрос председателя суда – признает ли он себя виновным?

Согласно ст. 680 УУС подсудимому, признавшему свою вину, предлагались дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется. В этом случае допрос включал в себя такие моменты как: имело ли место расследуемое событие, было ли оно деянием подсудимого и может ли быть оно вменено ему в вину. Допрос не должен был выходить за пределы границ, в которых он признавал себя виновным. Иными словами, можно говорить о праве каждого подсудимого не подвергаться допросу по обстоятельствам, им не признаваемым.

При этом ст. 684 УУС гласила: «Сверх того председатель и с его разрешения члены суда непосредственно, а присяжные заседатели – через председателя суда, могут предлагать подсудимому вопросы по всем обстоятельствам дела, представляющимся им недостаточными разъясненными».

Согласно ст. 681 УУС в тех случаях, когда «признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям». Согласие подсудимого по этому вопросу заносилось в протокол судебного заседания.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что принцип непосредственного исследования доказательств не препятствовал упрощенному рассмотрению уголовного дела в тех случаях, когда подсудимый признавал себя виновным и после обстоятельного его допроса сомнений

в его виновности у сторон не возникало.

После Октябрьской революции интерес к проблеме непосредственности исследования доказательств не пропал. Сложность, однако, заключалась в том, что Декретом СНК РСФСР «О суде» № 1 от 24 ноября 1917 г. упразднена существовавшая в России система судов [2, с. 5]. Члены нового суда должны были руководствоваться в первую очередь, революционной совестью и революционным правосознанием. Однако единообразного уяснения этих понятий не существовало. Законодательно закреплялось усиление уголовной репрессии [1].

1 декабря 1934 г. был убит известный политический деятель С. М. Киров. Это повлекло принятие ЦИКом СССР 1 декабря 1934 г. Постановления «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Процессуальное законодательство стало еще более антигуманным. В данном Постановлении указывалось: «Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет: Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти.

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более 10 дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемому за сутки до рассмотрения дела в суде.

3. Дела слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесению приговора».

Суды стали рассматриваться как государственно-политические учреждения, призванные бороться с врагами советской власти. В таких условиях в ходе судебного следствия учитывать мнение стороны защиты не представлялось возможным.

Одним из первых посвятил свое исследование рассматриваемым вопросам в рамках кандидатской диссертации В. Я. Лившиц. Акцент в определении данного понятия он существенно сместил, несмотря на то, что УПК РСФСР, утвержденный постановлением ВЦИК 15 февраля 1923 г., содержал понятие

«стороны», понимая под ними прокурора, поддерживающего в процессе обвинение, гражданского истца и представителя его интересов; обвиняемого, его законных представителей и защитников, потерпевшего в тех случаях, когда ему предоставлено право поддерживать обвинение, и представителей его интересов (п. 6 ст. 23 УПК РСФСР). Но общая обстановка в стране не позволяла эти требования реализовывать.

В ст. 57 УПК РСФСР указывалось: «Суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно. Присяга как доказательство не допускается».

Исходя из этого В. Я. Лившиц писал: «Принцип непосредственности есть требование, чтобы суд воспринимал доказательства из их первоисточника, чтобы он основывал свои приговоры на тех данных, которые им непосредственно исследованы, проверены и оценены, чтобы судебное убеждение, в соответствии с которым суд решает вопрос о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц, опиралось на факты и обстоятельства, установленные судом в результате непосредственной проверки им всех собранных по делу доказательств» [5, с. 4–5].

В основу данного определения была положена ст. 319 УПК РСФСР, где указывалось: «Суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности».

Как видим, из указанной нормы полностью выпали результаты анализа обсуждения доказательств сторонами в присутствии судьи.

Следует отметить, что УПК РСФСР 1923 года, как и Устав уголовного судопроизводства 1864 года, признавал упрощенное судебное следствие. В ст. 282 УПК РСФСР отмечалось: «Если подсудимый согласен с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного

следствия и перейти к выслушиванию прений сторон».

З. И. Сарбаев принцип непосредственности в советском уголовном процессе исследовал во взаимосвязи с принципом устности. Он пришел к следующему выводу: «Непосредственность процесса означает, что суд, разрешающий дело, лично знакомится со всеми собранными доказательствами, выслушивает показания свидетелей, потерпевших, заключения экспертов, знакомится с подлинными документами, находящимися в деле, осматривает вещественные доказательства, причём сведения о фактах, имеющих значение для дела, получает из первоисточника» [8, с. 6].

Он приходит к твердому убеждению, что «в стадии предварительного следствия и дознания принципы устности и непосредственности не находят применения. Эти принципы по своему содержанию рассчитаны исключительно на деятельность суда, на рассмотрение дела судом» [8, с. 20]. И с ним следует согласиться. Необходимо отметить, что ни один дореволюционный автор не допускал мысли о том, что непосредственность исследования доказательств может иметь место на предварительном следствии. Дело в том, что в России никогда не было и нет до сих пор состязательного предварительного следствия. Оно носило и носит закрытый характер. УПК РФ впервые предусмотрел возможность предупредить даже участников проверки сообщения о преступлении о неразглашении данных досудебного производства (ч. 1.1 ст. 144).

В. Д. Шундилов, посвятивший свое исследование принципу непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела в соответствии с требованиями действовавшего в то время УПК РСФСР 1960 года, пришел к однозначному выводу о том, что принцип непосредственности относится к числу тех принципов, которые действуют на всех стадиях процесса [13, с. 37].

Однако в литературе и того времени высказывались мнения, что принцип непосредственности является специфичным лишь для судебного разбирательства, судебных инстанций и не находит применения в предварительном расследовании.

«Принцип непосредственности на предварительном расследовании, – пишет В. Д. Шундилов, – обязывает следователя, также как и судей в судебном разбирательстве, заменять производные доказательства пер-

вичными» [13, с. 38]. Аналогичной позиции придерживается и А. В. Дулов: «Применительно к предварительному следствию принцип непосредственности означает обязанность следователя стремиться заменить производные доказательства первичными, обеспечить для суда возможность непосредственного восприятия источников и средств доказывания, процессуально правильно оформить и сохранить доказательства» [4, с. 125].

Следует заметить, что эта мысль является ключом при рассмотрении всех стадий, начиная с возбуждения уголовного дела, ко всему исследованию В. Д. Шундилова. Представляется, основное внимание здесь уделено не исследованию доказательств, а их собиранию и, по возможности, замене производных доказательств первоначальными.

Сегодня это не актуально, ибо УПК РФ в ч. 2 ст. 17 закрепляет: «Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы». Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью».

А. Н. Склизков, исследовавший принцип непосредственности уголовного судопроизводства, основывался на положениях УПК РФ. Он пришел к выводу, что «содержащееся в ч. 1 ст. 240 УПК РФ положение, в силу которого все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию в судебном заседании, во взаимосвязи с положением ч. 3 ст. 240 УПК РФ распространяет действие принципа непосредственности не только на стадию судебного разбирательства, но и на досудебное производство. В соответствии с этим принципом законодатель не должен допускать в правовом регулировании предварительного расследования установления норм, которые отдавали бы на усмотрение органов уголовного преследования решение вопросов о значимости для дела доказательств, представляемых стороной защиты для их закрепления и приобщения к делу» [9, с. 10].

Эта позиция им уточняется следующим образом: «Для оптимизации правового механизма взаимодействия сторон на стадии предварительного расследования и приведения его в соответствие с принципом непосредственности представляется необходимым допол-

нить ч. 2 ст. 86 УПК РФ предложением следующего содержания: «Ходатайство о приобщении доказательств к уголовному делу, о допросе свидетелей, производстве экспертизы и других следственных действий подаются с указанием, для установления каких обстоятельств, имеющих значение для данного уголовного дела, они необходимы». Из ч. 2 ст. 159 УПК РФ необходимо исключить слова «если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела» [9, с. 19].

Мы вновь вынуждены обратить внимание, что и в данном случае речь идет о собирании доказательств. Можно говорить и о равенстве сторон представлять в подтверждение своих показаний доказательства. Принцип же непосредственности в уголовном процессе посвящен исключительно проблемам исследования доказательств, что, понятно, не одно и то же.

Современный уголовный процесс представляет собой состязание двух сторон перед нейтрально стоящим судом. Состязательность – коренной его признак. Как справедливо отмечает П. Е. Кондратов, «непосредственное исследование всех доказательств в судебном заседании служит важным условием их единообразного восприятия судом и другими участниками судебного разбирательства, средством устранения сомнений и неясностей» [6, с. 705].

В связи со сказанным следует подчеркнуть, что необходимо различать такие понятия, как «непосредственность восприятия» и «принцип непосредственности в уголовном процессе».

В первом случае в повседневной жизни любой человек непосредственно воспринимает окружающее его пространство с помощью зрения, обоняния, осязания, тактильных ощущений и пр. Они могут быть более или менее точными в зависимости от состояния его здоровья.

О принципе непосредственности в уголовном процессе можно говорить лишь тогда, когда уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон, когда функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, когда суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне

обвинения или стороне защиты, суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, когда стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Все цитируемые выше авторы считали, что непосредственность исследования судебных доказательств – это принцип уголовного процесса, но после того, как наш законодатель внес существенные изменения в ст. 240 УПК РФ, видимо, точнее говорить – это общее условие судебного разбирательства.

Ничего этого в стадии предварительного расследования нет, а потому там и не действует принцип непосредственности. В ст. 240 УПК РФ указывается: «В судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, за исключением случаев, предусмотренных разделом X настоящего Кодекса». Рассмотрим, в частности, положения гл. 40 УПК РФ.

По данным Судебного департамента Верховного Суда РФ в 2014 году большая часть уголовных дел (70 %), которые были рассмотрены в судах первой инстанции, слушалась в особом порядке. Из 742 тыс. осужденных 524 тыс. согласились с обвинением. Как видим, речь идет о довольно распространенном явлении.

В ст. 314 УПК РФ отмечается: «Обвиняемый вправе при наличии согласия государственного обвинителя или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное Уголовным кодексом РФ, не превышает 10 лет лишения свободы». В этом случае суд вправе постановить приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке, если установит, что:

- 1) обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства;
- 2) ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником.

Тот факт, что в законе говорится об обвиняемом, а не о подсудимом, означает, что рассмотрение уголовного дела в суде еще не началось. Это может быть, во-первых, самостоятельное изучение судьей материалов полу-

ченного уголовного дела или же, во-вторых, в ходе предварительного слушания.

Изучая материалы дела, судья знакомится с позицией следователя, производившего расследование, ибо законченное расследованием уголовное дело – это всего лишь отработанная (в различной степени полноты) обвинительная версия следователя. Насколько она соответствует действительности, сказать трудно, поскольку практике известны случаи, когда обвиняемый признавал свою вину под принуждением или оговаривал себя в силу различных побуждений.

По этой причине мы считаем, что положение ст. 680 УУС, предусматривающей допрос подсудимого, признавшего свою вину, является более эффективным. Если после такого допроса подсудимого у сторон не остается сомнений в возможности не проводить дальнейшее исследование доказательств, то переходят к прениям сторон. Эта убежденность обеспечивает эффективную защиту прав личности от незаконного и необоснованного осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В связи с изложенным мы считаем необходимым исключить из ч. 1 ст. 240 УПК РФ выражение «за исключением случаев, предусмотренных разделом X», так как современный состязательный процесс не должен существовать без принципа непосредственности исследования доказательств; главы 40 и 40.1 УПК РФ дополнить положением, аналогичным ст. 680 и 681 УУС: подсудимому, признавшему свою вину, предлагаются дальнейшие вопросы, относящиеся к обстоятельствам преступления, в котором он обвиняется. В тех случаях, когда «признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям». Это позволит суду убедиться в правильности принятого им решения. При этом общепризнано, что для общества важно в равной степени не только то, чтобы приговоры были справедливыми, но и то, чтобы они признаваемы были справедливыми.

Литература

1. Декрет СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1918. – № 65 – Ст. 710. – 32 с.

2. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – М., 1917. – № 4. – 271 с.

3. Астров, П. И. Устав уголовного судопроизводства. Статьи 765–999. Систематический комментарий / П. И. Астров, М. Н. Гернет, С. К. Гогель, М. О. Грузенберг и др. – М.: Изд. М. М. Зива, 1916. – Вып. 5. – 1284 с.

4. Дулов, А. В. Значение принципа непосредственности при проведении экспертизы на предварительном следствии / В. А. Дулов // Ученые записки Ленинградского университета. – 1958. – № 10. – С. 123–130.

5. Лившиц, В. Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / В. Я. Лившиц. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – 208 с.

6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. – М.: Юрайт, 2010. – 705 с.

7. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – М., 1913. – 328 с.

8. Сарбаев, З. И. Принципы устности и непосредственности в советском уголовном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / З. И. Сарбаев. – М., 1967. – 23 с.

9. Склизков, А. Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Склизков. – Владивосток, 2007. – 22 с.

10. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство / В. К. Случевский. – СПб.: Изд-во s.n., 1892. – 444 с.

11. Тальберг, Д. Г. Русское уголовное судопроизводство: пособие к лекциям ординарного профессора Императорского Св. Владимира / Д. Г. Тальберг. – Киев.: Изд-во Киев, 1889. – 318 с.

12. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб.: Изд-во Альфа, 1996. – Т. 2. – 605 с.

13. Шундилов, В. Д. Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела / В. С. Шундилов. – Саратов, 1974. – 133 с.

14. Щегловитов, С. Г. О значении начал устности и непосредственности в уголовном процессе / С. Г. Щегловитов // Журнал гражданского и уголовного права. Издание С.-Петербургского Юридического общества. Год восемнадцатый. – 1888. – № 8. – С. 103–144.

Виницкая Юлия Львовна – секретарь суда отдела по обеспечению рассмотрения гражданских дел, Смоленский областной суд, г. Смоленск. E-mail: viniyulya@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 23 ноября 2015 г.

DOI: 10.14529/law160106

ON THE CONCEPT OF DIRECTNESS IN CRIMINAL PROCEEDING

Yu. L. Vinitskaya

Smolensk Regional Court, Smolensk, Russian Federation

In Russia, over 148 years, had a system of formal proofs. The legislator himself defined the meaning and importance of each evidence. Charter of criminal proceedings in principle secured a new position – «The judges must determine the guilt or innocence of the defendant by inner conviction».

There was a need to develop rules «direct examination of forensic evidence». This requirement of the law to the judge about the need to examine evidence submitted by the parties, after hearing their point of view and come to sound logical conclusion. In those cases where «the defendant does not raise any doubt, the court, without making further research, could go to the final debate» (Art. 681 UUS).

In the Soviet era the emphasis in the concept of «direct examination of evidence» was replaced with «direct perception». This has allowed to assume that «the immediacy examination of evidence» takes place not only during the judicial investigation but preliminary. This position has led to the fact that according to the article. 240 Code of Criminal Procedure excluded any examination of evidence in criminal cases under Section X of this Code.

Formulated a new definition of the concept. Displaying the fundamental difference between «direct perception» from «direct examination of the evidence», it is proposed to exclude from the part 1 st.240 Code of Criminal Procedure the expression «except as provided for in Section X». Chapter 40 and 40.1 of the RF Code of Criminal Procedure supplemented by provisions similar to the content of Art. 680 and 681 UUS. This will allow the court to ensure the correctness of his decision.

Keywords: *system of formal proofs, Code of Laws, complete and incomplete evidence, Charter of criminal proceedings in 1864, inner conviction judge, simplified examination of the criminal case, the immediacy of perception, direct examination of the evidence.*

References

1. [Decree SNK RSFSR of September 5, 1918 «On Red Terror»]. *Sobranie uzakoneniye i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva* (SU RSFSR) [Collection of laws and edicts Workers' and Peasants Government (GC RSFSR)], 1918, no. 65, St. 710, 32 p.
2. [Collection of laws and edicts Workers' and Peasants Government (GC RSFSR)] *Sobranie uzakoneniye i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva*. Moscow, 1917, no. 4, 271 p.
3. Astrov P. I. *Ustav ugolovnoho sudoproizvodstva. Stat'i 765–999. Sistemicheskiy kommentariy [Charter of criminal proceedings. Article 765–999. Systematic comment]*, Moscow, 1916, Vol. 5, 1284 p.
4. Dulov A. V. [The value of the principle of immediacy in the examination at the preliminary investigation]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta [Scientific notes of Leningrad University]*, 1958, no. 10, pp. 123–130.

5. Livshits V. Ya. *Printsip neposredstvennosti v sovetskom ugolovnom protsesse* [The principle of immediacy in the Soviet criminal trial]. Moscow, 1949, 208 p.
6. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Scientific-practical commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, 2010, 705 p.
7. Poznyshev S. V. *Elementarnyy uchebnyy russkogo ugolovnogo protsessa* [Elementary textbook Russian criminal trial]. Moscow, 1913, 328 p.
8. Sarbaev Z. I. *Printsipy ustnosti i neposredstvennosti v sovetskom ugolovnom protsesse: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk* [The principles of ustnosti and immediacy in the Soviet criminal trial. Author's abstract Diss. Kand. (Law)]. Moscow, 1967, 23 p.
9. Sklizkov A. N. *Printsip neposredstvennosti ugolovnogo sudoproizvodstva: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk* [The principle of the immediacy of the criminal proceedings. Author's abstract Diss. Kand. (Law)]. Vladivostok, 2007, 22 p.
10. Sluchevskiy V. K. *Uchebnyy russkogo ugolovnogo protsessa. Sudoproizvodstvo* [Textbook of the Russian criminal process. Judicial proceedings]. St. Petersburg, 1892, 444 p.
11. Tal'berg D. G. *Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo. Posobie k lektsiyam ordinarnogo professora Imperatorskogo Sv. Vladimira* [Russian criminal proceedings. The manual to the lectures of professor of the Imperial St. Vladimir]. Kiev, 1889, 318 p.
12. Foynitskiy I. Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [The course of criminal proceedings]. St. Petersburg, 1996, vol. 2, 605 p.
13. Shundikov V. D. *Printsip neposredstvennosti pri rassledovanii i rassmotrenii ugolovnogo dela* [The principle of immediacy in the investigation and criminal proceedings]. Saratov, 1974, 133 p.
14. Shcheglovitov S. G. [On the importance of ustnosti and immediacy has started in the criminal process]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. Izdanie S-Peterburgskogo Yuridicheskogo obshchestva. God vosemnadtsatyy* [Journal of civil and criminal law. The publication of the St. Petersburg Law Society. Year eighteenth], 1888, no. 8, pp. 103–144. (in Russ.)

Yulia Lvovna Vinitskaya – court secretary of the Department of Civil Investigation, Smolensk Regional Court, Smolensk, Russian Federation. E-mail: viniyulya@yandex.ru.

Received 23 November 2015.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Виницкая, Ю. Л. К вопросу о понятии непосредственности в уголовном процессе / Ю. Л. Виницкая // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2016. – Т. 16, № 1. – С. 35–43. DOI: 10.14529/law160106.

FOR CITATION

Vinitskaya Yu. L. On the concept of directness in criminal proceeding. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 35–43. (in Russ.) DOI: 10.14529/law160106.
